Introductory Article, Comments, Dictionary by A. Kichikov]. Elista: Kalmyk State University, 1999. 151 p. (in Russ.).

11. *The Epos "Dzhangar"* [The Jangar Epic]. URL: http://djangar.freekalmykia.org/12.htm (Accessed November 29, 2019) (in Kalmyk).

12. Vladimirtsov, B.Ya. *Obraztsy mongol'skoy narodnoy slovesnosti* [Samples of Mongolian Folk Literature]. Leningrad. The A. Enukidze Institute of Living Oriental Languages, 1926. 104 p. (in Russ.)

13. *Halmg tuuls* [Kalmyk Folk Tales]. Vol. 3. Elista: Kalmyk Publishing House, 1972. P. 86–97 (in Kalmyk).

14. *Halmg tuuls* [Kalmyk Folk Tales]. Reprint. Elista: Kalmyk Book Publishing House, 1979. P. 66–71 (in Kalmyk).

15. *Teksty dlya yezhednevnykh praktik* [Texts for Daily Practices]. Compilation, Translation and Commentaries by Tengon. Moscow: Drepung Gomang Center, 2016. 536 p. (in Russ.)

16. *Huuchn ygd hudl uga. Keerin huraŋhu material* [The Truth of Deep Antiquity. A Collection of Expeditionary Materials]. Compiled, Introductory Article in Kalmyk by E. Khabunova. Elista, 2018. P. 54–56 (in Kalmyk).

DOI 10.24411/2223-0564-2020-10111
УДК 398.2

М.М. Паштова

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДЕНЬГАХ В ЛОКАЛЬНОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕРКЕССКОЙ ДИАСПОРЫ ТУРЦИИ)

Аннотация

В статье рассматриваются традиционные представления о деньгах, бытующие в одной из локальных фольклорных традиций черкесской диаспоры Турции. Предмет исследования – устные тексты, в которых актуализируются деньги (материальные ценности, золото, скот, земля и др.) как культурная категория. В заявленном аспекте фольклор черкесской диаспоры рассматривается впервые. Материал собирался автором методами глубинного интервью и включенного наблюдения в г. Кайсери и анклаве Узун-Яйла (Центральная Анатолия).

Цель исследования – выявление стереотипных представлений о деньгах и основных жанрово-стилистических форм устных текстов, связанных с экономическими отношениями внутри общины и вне ее; анализ социально-коммуникативных условий и механизмов трансформации этих представлений в отдельно взятой локальной традиции; определяются прагматические функции исследуемых текстов.

Автор приходит к выводу о том, что стереотипные устные рассказы о деньгах, с одной стороны, репрезентируют традиционное (феодально-рыцарское) отрицательное отношение к коммерции, с другой – тексты формируют понимание необходимости освоения культуры денег для успешной деятельности в современном урбанизированном обществе. Важным является также вывод о том, что исследуемые тексты (в частности, мемораты о кризисных событиях прошлого века) актуализируют в коллективной памяти ряд традиционных этнокультурных ценностей.

Ключевые слова: черкесы, адыгэ, диаспора, Узун-Яйла, антропология денег, фольклор, локальная традиция

Madina M. Pashtova

IDEAS OF MONEY IN THE LOCAL FOLKLORE TRADITION (THE CIRCASSIAN DIASPORA IN TURKEY)

Паштова Мадина Михайловна, *кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры черкесского языка и культуры отделения кавказских языков и культур Университета Эрджиес (г. Кайсери, Турция), e-mail: mazako71@gmail.com*

Madina M. Pashtova, *Cand.Sc. (Philology), Senior Lecturer, Chair of the Circassian Language and Culture, Department of the Caucasian Languages and Cultures, Erciyes University (Kayseri, Turkey), e-mail: mazako71@gmail.com*

© Паштова М.М., 2020

Abstract

The article discusses the traditional ideas about money existing in one of the local folklore traditions of the Circassian diaspora in Turkey. The subject of the research is the spoken stories in which money is made topical (material values, gold, livestock, land, etc.) as a cultural category. The folklore of the Circassian diaspora is considered for the first time in this particular aspect. The material was collected by the author using the in-depth interview and the participant observation methods in Kayseri and the Uzunyayla enclave (Central Anatolia).

The purpose of the study is to identify the stereotypical ideas about money and the main genre stylistic forms of spoken stories about economic relations within the community and outside of it; analysis of social and communicative conditions and mechanisms of transformation of these ideas to an individual local tradition; the pragmatic functions of the texts under study are determined.

The author comes to the conclusion that stereotypical spoken stories about money, on one hand, represent the traditional (feudal knightly) negative attitude to commerce, on the other hand, the texts shape an understanding of the need to develop a culture of money for successful activity in a modern urbanized society. It is also important to conclude that the texts studied (for example, memoirs about the crisis events of the last century) actualize a number of traditional ethnocultural values in the collective memory.

Key words: Circassians, Adyghe, diaspora, Uzunyayla, anthropology of money, folklore, local tradition

Черкесская диаспора Турции образована в результате окончания Кавказской войны и Стамбульского исхода (середина XIX в.). В течение полуторавекового периода оторванного от исторической территории (Северо-Западного Кавказа) существования здесь образовалось несколько крупных очагов черкесской (адыгской) культуры. Один из них – анклав Узун-Яйла, насчитывает около 70 селений близ г. Кайсери. Это локальная культурная традиция, над изучением которой мы работаем несколько лет, как в ходе фольклорно-этнографических экспедиций (2009, 2011, 2014, 2015), так и методом включенного наблюдения (2018–2019). Носители традиции, в настоящее время проживающие в вилайете Кайсери, многих крупных городах Турции и в Европе, возвращаются на свою «малую» родину в основном на летнее время и праздники. До начала урбанизационных процессов анклав продолжительное время жил изолированно, под минимальным влиянием инокультурного окружения. Этим обычно объясняют то обстоятельство, что узуняйлинцы являются наиболее последовательными приверженцами традиционного этикета и обычаев, носителями родного языка и особого субварианта черкесской (адыгской) культуры.

Деньги в контексте традиционных представлений о благородных и неблагородных занятиях. Итальянский путешественник Джорджио Интериано, посетивший в свое время Кавказ, в своей книге, изданной в 1502 г., пишет о черкесах: «Они держатся того мнения, что никто не должен считаться благородным, если о нем имеются слухи, что он когда-либо занимался недостойным делом, хотя бы то был [человек] из самого древнего, даже царского рода. Они хотят, чтобы дворяне не занимались никакими торговыми делами, исключая продажи своей добычи, говоря – благородному подобает лишь править своим народом и защищать его» [1, с. 48]. Эти и другие особенности экономической культуры черкесов отмечены в исторических и современных источниках [2; 3].

Стереотипные рассказы о деньгах, зафиксированные нами в фольклорном дискурсе диаспорного анклава Узун-Яйла, объединены двумя основными идеями. С одной стороны, деньги рассматриваются как ценный ресурс, якобы не до конца черкесами освоенный. По мнению наших респондентов, только небольшая часть членов узун-яйлинской общины (в нескольких поколениях) научилась как правильно обращаться с деньгами, откладывать их, копить, одалживать и возвращать долги.

Большие деньги в представлениях носителей культуры, в особенности старшего поколения, являются, с одной стороны, источником риска, в первую очередь этического. С другой стороны, в устных текстах актуализируется понимание того, что навыки обращения с имуществом есть непреложный атрибут статуса потомственных аристократов. И в символическом противопоставлении денег имуществу в виде земли, лошадей, скота становится наиболее очевидной амбивалентность восприятия денег старшим поколением черкесов Узун-Яйлы. Очевидно, что мы имеем рудимент рыцарской концептосферы, отрицающей занятие торговлей, но не исключающей акты добычи, обмена и дара.

В своих предыдущих работах мы отмечали социально-исторические аспекты функционирования устных рассказов об имущественных отношениях в узун-яйлинской традиции [4, с. 120, 130]. Это, в первую очередь, социально-классовые трансформации, происходившие внутри узун-яйлинской общины в течение XX в., связанные как с государственными реформами Ататюрка 1934 г., так и с внутриобщинным кризисом. В настоящей работе мы лишь кратко отметим, что в исследуемой локальной традиции экономической основой власти аристократического класса практически до середины XX в. являлось коневодство. Миграционный трафик, по которому шли предки узуняйлинцев в XIX в. (сухопутный, через Карс), а также выбор в качестве места поселения высокого (1500 м над уровнем моря) плато Uzunyayla в Центральной Анатолии были обусловлены этим видом хозяйственной деятельности – разведением кабардинской породы лошадей.

С того времени, когда кавалерия как род войск сошла с мировой арены и турецкое правительство прекратило закупки лошадей у черкесских коннозаводчиков, экономическое положение узуняйлинцев существенно пошатнулось. Новые экономические условия требовали умения обращаться с имуществом и преумножать его, в т.ч. посредством денежного обмена. К середине XX в. небольшой прослойке узун-яйлинской элиты удалось сохранить и преумножить наследственный капитал теперь уже посредством коммерческой деятельности. После упадка коневодства во второй половине XX в. приоритетным видом животноводства в Узун-Яйле становится овцеводство. На этом фоне свободные крестьяне и незнатные уорки[1], которые имели опыт и навыки хозяйствования, обработки земли и разведения скота и не были особо связаны этическими предрассудками, стали постепенно накапливать капитал и легче интегрировались в новую для черкесов городскую среду.

Как можно понять из устных рассказов, в 1960–1970-е гг. поддержание института гостиного дома продолжало осуществляться в основном за счет внутренних, сельскохозяйственных экономических ресурсов. Противоречия перехода от аграрного уклада к урбанизированному актуализируются в устных рассказах, символически противопоставляющих два разных типа гостевого угощения: жертвенного барана и чашки кофе. Несмотря на то, что в городских условиях трансформируются экономические условия функционирования института гостиного дома, неизменным остается представление о том, что адыгство (т.е. благородство, мужество) состоит прежде всего в гостеприимстве и открытости. Одним из главных качеств благородного человека многие из наших респондентов называли в первую очередь щедрость: *шыгъуп1астэк1э ф1ыр* (на сольпасту щедрый[2]).

Смеховые стратегии презентации богатства: кладоискательские истории. Характерный для диаспорного фольклора жанровый цикл, система мифологических мотивов которого сложилась под влиянием восточных традиций, – кладоискательские комические истории. (О мифологических представлениях и ритуальных практиках, связанных с деньгами, см.: [5]). В ткань подобного рассказа непременно вплетается мотив охраны клада джинном (*дыщэм тет иIэмэ…*), под воздействием чар которого создается визуальный обман – золото видится копателям луковой шелухой (*бжьыныфэу кърегъэлъагъу*) или соломой. После прочтения специальной молитвы и окропления кувшина с кладом кровью жертвенного петуха (черного или белого оперения) луковая шелуха или солома вновь превращается в золото.

Тексты о кладоискателях условно можно разделить на две категории: о якобы нашедших золото (прокутивших и оставшихся без гроша или, наоборот, преумноживших найденное богатство) и неудачниках, всю жизнь потративших на поиски золота (сюжеты о розыгрышах друзей, подкладывающих «сокровища» в раскопы и т.п.). Сюда же относятся истории, подобные той, в которой рассказывается, как отец информанта проучил своих друзей, бросивших все хозяйственные дела и занимавшихся поисками кладов: сообщив им, что знает, где можно откопать много золота, вооружив их лопатами и другим инвентарем, он под всеобщее обозрение отвел их к зданию банка в центре города и сказал укоризненно: «Копайте теперь!» [6].

[1] Уорки – дворянское сословие.

[2] Паста – крутая каша из проса или кукурузы (в Узун-Яйле – из пшеничной крупы), употребляемая черкесами вместо хлеба. *Соль-паста* – формула, соответствующая русскому выражению *хлеб-соль*.

Основным морализирующим мотивом комических историй о безуспешных многолетних поисках кладов являются слова другой рассказчицы, которыми она выражает иллюзорность надежд кладоискателей и необходимость рассчитывать только на собственный труд: *«Хэтыр дыщэ йот1э, дэ гъащ1эм дет1эурэ, дет1эурэ къэтхьас»* («Кто-то окапывает клады, а мы окапывали и окапывали жизнь») [7].

В узун-яйлинском фольклоре существует ряд сюжетно-нарративных циклов о деньгах, каждый из которых имеет свои стилистические признаки. Например, мемораты и комические истории о разъезжавших по черкесским селениям торговцах-менялах (тур. *чарчы*). Заезжие торговцы, будь то турки или черкесы, это особые фольклоризированные образы. В устных рассказах распространен мотив комического взаимодействия местной молодежи и заезжих торговцев фруктами (*куэд як1эрыдгъэхъык1ырт* – «мы много чего над ними вытворяли») [8]. С одной стороны, это обирание и розыгрыши «несчастных торгашей», например, рассказы о том, как с минарета сельской мечети объявлялось о якобы бесплатной раздаче соли заезжими торговцами. С другой стороны, существует устойчивое представление о торговцах как об очень осведомленных людях: «чарчы знает, кому <в Узун-Яйле> можно отдать дочь и на ком женить сына». При заезжих торговцах женщины общались открыто, не обращая на них особого внимания («они как будто невидимы»), выдавая детали своей повседневной жизни, социальный статус и материальное положение. Таким образом, торговцы, разъезжающие по селениям Узун-Яйлы, могли якобы знать о положении дел каждой отдельной семьи.

В рассказах о торговцах и состоятельных людях актуализируются существовавшие во второй половине прошлого столетия практики отсроченного платежа (*1эрылъхьэу-1эрымылъхьэу*), одалживания и возвращения долга (по осени, после сбора урожая). По одному из таких рассказов, однажды известная в Узун-Яйле семья торговцев приобрела, видимо, в рассрочку новый грузовик. Услышав на улице крики о том, что «Б-вы заехали в село на новом грузовике», женщины, которые расплачивались за привозимые товары (ткани, нитки, иголки и др.) сыром, яйцами и другими продуктами и при этом часто в долг, расстроенно вздохнули со словами «ох, сможем ли мы расплатиться <за новый грузовик>?!» (*уэhе, тхуэпшыныжыну п1эрэ?!*).

Как мы отметили выше, по мнению самих узуняйлинцев, в особенности представителей аристократических фамилий, они так и не освоили культуру обращения с деньгами. Подобные стереотипические представления озвучиваются и в воспоминаниях, связанных с практикой взаимопомощи в случаях банкротства. При этом в узун-яйлинских устных рассказах о деньгах мы можем встретить несколько специфических местных речевых формул. Например: *уи 1уэхур иризэ1ублэж* («восстанови на эти средства свои дела»; букв. «стяни, сплети <прореху>»), *дыщэр яхуэшха1ым* («золото [клад] они не смогли обратить себе на пользу», букв. «не смогли съесть»), *зрикъухьыжас* («раскрошился», «разбросался», т.е. растратился), *згуэр къеуас* («кто-то толкнул его», т.е. он стал жертвой мошенничества), *ахъшэр къэгъэгъуэлъын* («уложить, положить деньги» на счет)[3].

Отдельную стратегию формирует универсальное, общее для многих этнических и религиозных культур, представление о том, что богатство заканчивается быстро и не является непреходящей ценностью. Это не только экономический риск, но и этический: *иужьк1э зыгъуэтам тхьэм сыщихъумэ* («да защитит меня бог от не имевшего ничего и быстро разбогатевшего»). Сюда же относится как «героическое» (в ироническом смысле) добывание и легкая растрата (раздаривание, проматывание) денег, так и вероятность «потери рассудка» (букв. «опьянения») от больших, неожиданно приобретенных денег.

«Выход в город» – устойчивый мотив в рассказах об испытании деньгами. Узун-яйлинское присловье «*Мыунэфымрэ удэфамрэ щыхьэрым мэк1уэж*» («Нерадивый и избалованный рвется в город») подразумевает в том числе соприкосновение с культурой денег как частью городской жизни [9].

В устных рассказах о первых городских предпринимателях из среды черкесов (1950–1960-е гг.) отмечается одна особенность «народной статистики»: по мнению нескольких наших информантов, лишь каждый десятый черкес (или десятая часть из общего числа) смог самостоятельно постичь закономерности обращения денег. Рычаги «скрытой» культуры способство-

[3] Последние два выражения являются, вероятно, калькой с турецкого языка.

вали сдерживанию развития этих навыков среди представителей черкесской общины в городской среде. Например, один из наших информантов поделился с нами воспоминаниями о том, как он заработал свои первые деньги и как отреагировали родители на этот опыт. Испытав необходимость в дополнительных средствах на популярный в то время детский журнал, наш герой решил попробовать продавать на улице хлеб вместе с турецкими мальчишками. Поднакопив таким образом немного денег, в один из дней он решил отдать их матери, видя, что запасы продуктов в доме закончились, а отец, который живя в селе, помогал детям получить образование в городе, задерживался с приездом. Расспросив сына, откуда взялись деньги, мать огорчилась, сказав: «Как ты, забыв свое происхождение, мог позволить себе торговать на улице хлебом». С тех пор, как считает сам информант, у него не было особого желания приобретать деньги с помощью торговли, но вместе с этим он осознает, что освоение навыков правильного обращения с деньгами есть залог более успешного существования в городских условиях [10].

Сопоставляя социальные ситуации метрополии (Кавказа) и диаспоры, мы можем отметить, что у зарубежных черкесов деньги представлены в традиционно-сельских и современных городских обрядовых практиках в гораздо меньшей степени. Для черкесов диаспоры не характерны большие денежные взносы и затраты на свадьбы, похороны, поминки и т.п., а также демонстрация имущественного статуса посредством приобретения дорогих вещей, предметов роскоши (по крайней мере, считается дурным тоном). Объясняется это, прежде всего, традиционным черкесским вкусом: аристократической сдержанностью, предпочтением неброского стиля (скорее «серебро», чем «золото») как маркера социально-культурной идентичности.

Бытование стереотипных текстов о деньгах в исследуемом диаспорном анклаве обусловлено несколькими прагматическими функциями: адаптивной (переход от традиционно-сельской культуры к городской), идентификационной (в исследуемых устных рассказах непременно актуализируется социальная и этнокультурная идентичность рассказчика), социорегулятивной (гармонизация внутриобщинных (межличностных и межклассовых) отношений).

Как видим, деньги в фольклорном дискурсе локальной диаспорной традиции, существовавшей достаточно долгое время изолированно от внешнего мира и удаленно от исторической территории, выступают в качестве категории не столько экономической, сколько культурной. Бытование устных рассказов о деньгах, их прагматические функции соотнесены с социально-историческими условиями существования сообщества. В этой связи исследования по антропологии денег представляются нам перспективными как в контексте сравнительно-сопоставительного описания отдельных локальных традиций черкесов на Кавказе и в диаспоре, так и объяснения различных явлений экономической и социальной жизни, сложность которых обусловлена культурно и исторически.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Интериано Дж.* Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 43–52.

2. *Пейсонель К.* Трактат о торговле на Черном море // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / под ред. В.К. Гарданова. Нальчик, 1974. С. 179–203.

3. *Дзуганов Т.А.* Очерки экономической истории Черкесии XV–XIX вв. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 136 с.

4. *Паштова М.М.* К специфике традиционной внутриобщинной коммуникации: черкесы Турции // Journal of Caucasian Studies (JOCAS) (Кавказоведческие исследования). 2019. № 7-8. С. 115–134.

5. Фетиш и табу: антропология денег в России: сб. научных статей / сост. Архипова А.С., Фрухтманн Я. М.: Объединенное гуманитарное издательство, 2013. 528 с.

6. Зап. от Мердие Курывэ, 1932 г.р., сел. Шипшхабле – Пынарбаши, р-н Узун-Яйла. Соб. М.М. Паштова. 2015, Кайсери.

7. Зап. от Юксель Быркут, 1955 г.р., сел. Быркутей, р-н Узун-Яйла. Соб. М.М. Паштова. 2015, Кайсери.

8. Зап. от Юнуса Цыгум, 1977 г.р., сел. Кундетей (Ореншехир), р-н Узун-Яйла. Соб. М.М. Паштова. 2015.

9. Зап. от Заки Тлигур, 1925 г.р., с. Тлигурхабле, р-н Узун-Яйла. Соб. М.М. Паштова. 2009, Анкара.

10. Зап. от Эркана Кадыкой, 1969 г.р., с. Шигебахой, р-н Узун-Яйла. Соб. М.М. Паштова. 2014, Кайсери.

REFERENCES

1. Interiano, G. *Byt i strana zikhov, imenuemykh cherkesami. Dostoprimechatel'noe povestvovanie* [Everyday Life and the Country of the Zygiis Named the Circassians. A Remarkable Narration]. In: *Adygy, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XIII–XIX vv*. [The Adyghes, Balkars and Karachays in the Messages of the European Authors of XIII–XIX Centuries]. Nalchik: Elbrus Press, 1974. P. 43–52 (in Russ.).

2. Peysonel, K. *Traktat o torgovle na Chernom more* [A Treatise about Trading at the Black Sea]. In: *Adygy, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XIII–XIX vv*. [The Adyghes, Balkars and Karachays in the Reports of the European Authors of XIII–XIX Centuries]. Ed. V. Gardanov. Nalchik: Elbrus Press, 1974. P. 179–203 (in Russ.).

3. Dzuganov, T.A. *Ocherki ekonomicheskoy istorii Cherkesii XV–XIX vv.* [Essays on the Economical History of Circassia in the XV–XIX Centuries]. Nalchik: Editing and Publishing Department of IGI KBNTs RAN, 2018. 136 p. (in Russ.).

4. Pashtova, M. *K spetsifike traditsionnoy vnutriobshinnoy kommunikatsii: Cherkesy Turtsii* [On Characteristics of Traditional Intra-Communal Communication: The Circassians of Turkey]. *Kafkasya Calışmaları – Sosyal Bilimler Dergisi / Journal of Caucasian Studies (JOCAS)*. Kasım 2018 – Mayıs 2019 / November 2018 – May 2019, Yıl / Vol. 4, № 7-8. P. 115–134 (in Russ.).

5. *Fetish i Tabu: antropologiya deneg v Rossii: sb. nauchnykh statey* [Fetish and Taboo: Anthropology of Money in Russia: A Collection of Scholarly Articles]. Compiled by A. Arkhipova, Y. Fruchtmann: United Humanitarian Press, 2013. 583 p. (in Russ.).

6. Notes of Merdiye Kuriwe, born in 1932, village of Shipshhable – Pynnarbashi, Uzunyayla area. Collected by M. Pashtova. Kayseri, 2015 (in Circassian).

7. Notes of Yuxel Birkut, born in 1955, village of Birqutey, Uzunyayla area. Collected by M. Pashtova. Kayseri, 2015 (in Circassian).

8. Notes of Junus Tsigum, born in 1977, village of Kundetey (Orenshekhir), Uzunyayla area. Collected by M. Pashtova. 2015 (in Circassian).

9. Notes of Zaki Tlygur, born in 1925, village of Tlygurkhable, Uzunyayla area. Collected by M. Pashtova. Kayseri, Ankara, 2009 (in Circassian).

10. Notes of Erkan Kadikoy, born in 1969, village of Shigebakhoy, Uzunyayla area. Collected by M. Pashtova. Kayseri, 2014 (in Circassian).